

ЛЮДМИЛА СОКОЛОВА

МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ
ИСТОРИЯ ПАМЯТНИКИ СУДЬБЫ

МОСКОВСКИЙ МОДЕРН

В лицах
и судьбах

Москва и Подмосковье. История, памятники, судьбы

Людмила Соколова

**Московский модерн
в лицах и судьбах**

«Центрполиграф»

2014

Соколова Л. А.

Московский модерн в лицах и судьбах / Л. А. Соколова —
«Центрполиграф», 2014 — (Москва и Подмосковье. История,
памятники, судьбы)

Короткая эпоха расцвета модерна была довольно резко прервана. Классический стиль в искусстве с его плавностью и текучестью форм, растительными орнаментами вряд ли бы прижился в молодом социалистическом государстве. Но, несмотря на строительство коммунизма и воцарение новых порядков, шедевры модерна на улицах Москвы сохранились: многие из них в превосходном состоянии дошли до наших дней. И сегодня мы имеем возможность любоваться ими. Так уж случилось, что самые яркие здания в стиле модерн не принесли счастья ни тем, кто их создал, ни тем, кто в них жил. В этой книге мы совершим увлекательное путешествие не только по улицам Москвы, но и во времени: вернемся назад, чтобы лучше понять день сегодняшний.

© Соколова Л. А., 2014

© Центрполиграф, 2014

Содержание

Глава 1	6
Постройки Льва Кекушева в Москве	20
Богадельня имени Геера на Верхней Красносельской улице, № 15 (1894–1899)	20
Дом наследниц Хлудовых в Театральном проезде, № 3 (1894–1896)	21
Особняк Коробковой на Пятницкой улице, № 33 (1894– 1899)	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Людмила Анатольевна Соколова

Московский модерн в лицах и судьбах

© Соколова Л.А., 2014 © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Хочу сразу расставить точки над «i» – это ни в коей мере не научное исследование, поэтому употребление архитектурных терминов, а также искусствоведческих описаний я старалась минимизировать. Так что кого интересует именно это – ищите специальные книги. Мне же было интересно другое: кто и для кого построил прекрасные здания модерна, как сложились судьбы этих людей.

Не странно ли, что своим расцветом московский модерн обязан в значительной степени богатым купцам-старообрядцам? Во второй половине XIX века это была новая генерация российского купечества, открытая последним веяниям в науке, технике и искусстве, на глазах превращавшаяся в новый класс – буржуазию. Даже если вычеркнуть заслуги в развитии экономики и промышленного производства России таких людей, как Мамонтовы, Морозовы, Третьяковы, Бахрушины, Солдатенковы, Хлудовы, Прохоровы, Коноваловы, Рябушинские, Абрикосовы и многие другие, – их вклад в превращение Москвы в один из крупнейших и красивейших европейских городов огромен! Это при их финансовой поддержке во всех жанрах искусства: живописи, графике, архитектуре, поэзии, музыке и театре – утвердился новый стиль, модерн, и проник в жизнь и быт, диктовал моду на одежду и манеру поведения.

Так уж случилось – и при этом выявляется некая закономерность, – что самые яркие здания в стиле модерн не принесли счастья ни тем, кто их создал, ни тем, кто в них жил. А в XX веке и большинство из них выпали из городского социума, став закрытыми домами приемов или территориями других государств. Поэтому московский модерн впору называть посольским.

В этой книге мы совершим увлекательное путешествие не только по улицам Москвы, но и во времени: вернемся назад, чтобы лучше понять день сегодняшний.

Итак, вперед!

Глава 1

Лев Кекушев. Вопросы без ответов

Лев Николаевич Кекушев (07(19).02.1859–1914?) – один из самых ярких российских архитекторов, которого принято считать родоначальником московского модерна, – остался, пожалуй, самой загадочной фигурой в таком многослойном и неоднородном пласте нашей культуры, как модерн.

Его жизнь многие годы проходила на виду. Заметьте, в это время издавалось немало газет, все повально увлекались фотографией, набирал силы кинематограф! Но они словно договорились о нем молчать... Кекушев оставил после себя почти столько же загадок и противоречивых суждений, сколько памятников своего гения в виде двух десятков особняков и доходных домов, нескольких часовен и храмов, железнодорожных станций Мытищи и Одинцово, Торговых рядов на Никольской, трех ресторанов – среди них «Прага», – больниц и богаделен. И положил начало этим загадкам он сам: Лев Николаевич любил манипулировать цифрами и фактами своей биографии.

Лев Николаевич Кекушев

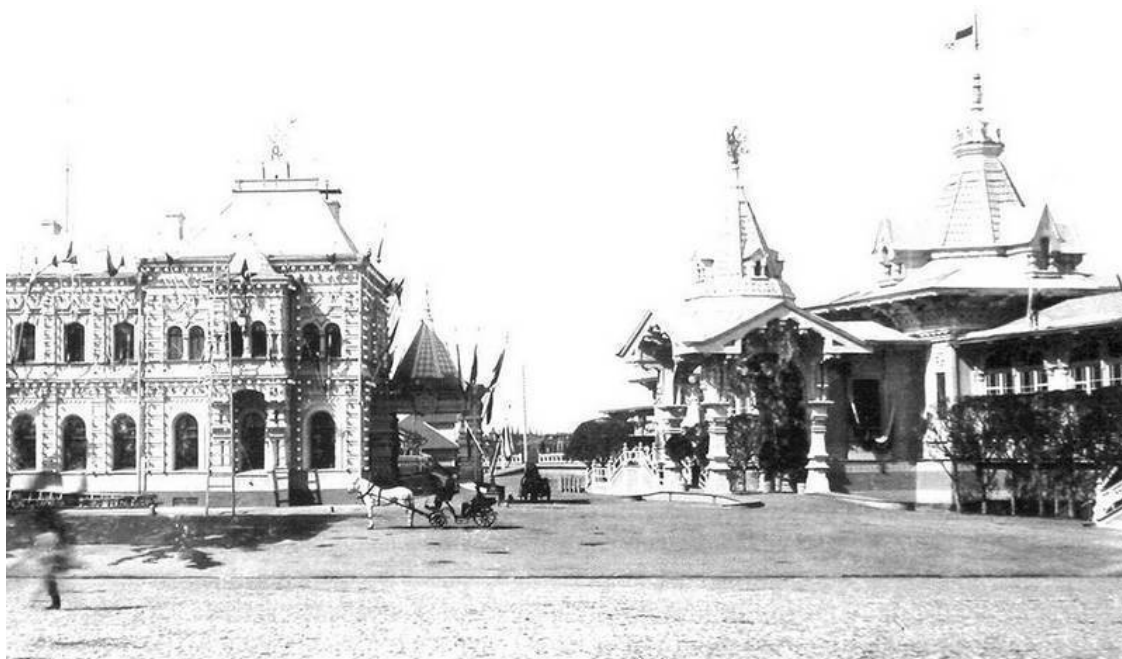
В одном можно быть уверенным: место его рождения точно не определено. Не говоря уже о дате и обстоятельствах смерти, которые неизвестны...

Он родился (как принято считать официально) 19 февраля 1862 года в Вильно в семье русского офицера, дворянина, и польки. Окончил виленскую гимназию. Но, поступая в Санкт-Петербургский институт гражданских инженеров, отмежевался от родовой связи с бунтующей Польшей, указав местом рождения Симбирскую губернию и подправив дату своего появления на свет. Вот так и начались несоответствия, которые добавили головной боли исследователям его творчества.

В 1889 году Кекушев переезжает в Москву, где в качестве помощника Семёна Семёновича Эйбушитца – австрийца, принявшего русское подданство и ставшего известным московским архитектором, – принимает участие в постройке доходного дома и бань наследниц Хлудова и Охотного ряда. Дела у молодого амбициозного архитектора пошли, надо думать, неплохо, потому что уже на следующий год он открывает собственную архитектурную фирму.

Вначале Кекушев зарекомендовал себя как талантливый дизайнер, создавая детали интерьеров, разрабатывая элементы внутреннего декора из дерева и металла для фабричного производства. Блестящий эрудит, знаток мирового искусства, отличный рисовальщик, Лев Николаевич был мастером историко-архитектурных стилизаций. Поэтому так близок ему оказался модерн, смело смешивающий художественные формы, родившийся из осмеянной эстетикой эклектики и превратившийся в новый стиль, подаривший миру короткий, но блистательный период расцвета в архитектуре, живописи, музыке, поэзии...

В 1893 году Кекушев проектирует и строит в Москве первое здание в стиле модерн – доходный дом в Варсонофьевском переулке (далее в хронологическом порядке будет рассказано подробнее об этом, как и о некоторых работах Мастера).

Императорский павильон (справа)

Вскоре общественное мнение вознесло его имя на гребень успеха, потому что уже весной 1896 года в связи с предстоящей коронацией Николая II именно Льву Николаевичу, тогда участковому архитектору Московской городской управы, было поручено срочно построить Императорский павильон на Брестском вокзале для встречи царской семьи.

Чем можно удивить царскую чету и их многочисленную свиту, людей, привыкших к холодной роскоши Северной столицы и всегда снисходительно относившихся к «патриархальной Москве»? И Кекушев дерзко решает показать ее новым ракурсом, совместив нарядную старину с европейским изыском, который уже проторил дорогу к сердцам богатых москвичей.

В начале мая 1896 года в правой части вокзала вырос нарядный расписной деревянный терем.

Императорский павильон понравился всем, потому как еще долго служил для торжественных встреч знатных особ. Разобрали его лишь в 1908 году во время строительства современного вокзального здания.

Кроме этого Лев Николаевич для праздничных торжеств по случаю коронации императора оформлял Тверскую улицу, Воскресенскую площадь и здание Государственной думы.

После этого Лев Кекушев вообще становится заметной фигурой в московской элите. Он много и плодотворно работает над строительством особняков, доходных домов, перестройкой зданий, дизайном интерьеров, совмещая активную практику с преподавательской деятельностью в Строгановском и Инженерном училищах, Московском инженерном училище путей сообщения.

В своем творчестве Лев Николаевич использовал близкий ему по романтическому духу франко-бельгийский модерн. Его профессиональным почерком стали тщательная проработка и изысканность интерьеров, составляющих с архитектурой здания единое целое.

Кекушев дерзко – и, я бы сказала, с неким вызовом – решает «подписывать» свои дома-произведения. А что – художники ведь это делают? Да только видят их картины единицы. А тут – нате вам, смотрите, удивляйтесь, восхищайтесь, негодуйте! – львы! В виде статуй, барельефов – своеобразная визитная карточка. Теперь-то вы не забудете, ни с кем не спутаете, кто построил эту красоту! «Лев» – Лев Кекушев!

Сам он говорил так: «Во-первых, это все-таки своего рода царь всех животных. Во-вторых, он являет собой символ грозного стража. А в-третьих, должен ведь я как-то помечать свою очередную работу. Вот и ставлю завуалированную подпись: *Лев*».

Лев Николаевич словно смеялся над теми, кто сразу каталогизировал его творчество, навесил ярлыки, ожидая модерна и только модерна в чистом виде. А он взял да и построил для купца 1-й гильдии Митрофана Семеновича Грачева великолепный дворец в Ховрине, совершенно не похожий на то, что делал раньше, и на то, что будет строить в будущем, подкинув новую пищу для разговоров и пересудов.

И вообще, Кекушеву явно нравилось эпатировать почтеннейшую публику. Надо сказать, публику эту, в том числе и заказчиков-толстосумов, архитектор скоро «воспитал» и «построил», и каждое его новое творение вызывало все больше восторгов и безусловного приятия. Самые богатые люди выстраивались в очередь, чтобы заказать Льву Николаевичу особняк, перестройку дома или обновление интерьеров.

Кекушев был прекрасным рисовальщиком, и его проекты, выполненные в красках, напоминали изящные картины. Поэтому неудивительно, что чаще всего в конкурсах побеждал он.

Помимо таланта архитектора Кекушев обладал и деловой хваткой: сколотил значительное состояние и стал строить собственные доходные дома в Хамовниках, в Олсуфьевском переулке, купленный у баронессы Надежды Филаретовны фон Мекк и перестроенный, особняк на Гоголевском бульваре, № 21, а также дома на Остоженке № 19 и 21, которые Мастер записал на имя супруги Анны Ивановны и которые так и вошли в историю московского модерна, как особняки Кекушевой.

Теперь самое время рассказать об этой Анне Ивановне (Ионовне) и о семье архитектора. Правда, сведения эти чрезвычайно скупы.

По свидетельству признанного авторитета в области московского модерна доктора искусствоведения Марии Владимировны Нащокиной, написавшей несколько монографий и интересную статью «Жизнь и судьба архитектора Льва Кекушева», Мастер женился 20 апреля 1897 года на уроженке Полтавщины – «дочери отставного штабс-капитана Анне Ионовне Болотовой, очаровательной русоволосой девятнадцатилетней девушке с пухлыми щечками... Венчание состоялось в церкви Святых Великомучеников Космы и Дамиана в Шубине, расположенной рядом с домом генерал-губернатора Москвы на Тверской площади».

Тридцатипятилетний жених был богат и известен, невеста была моложе его на 15 лет. Была ли это взаимная любовь? Хочется верить, что так! Со стороны зодчего – несомненно! Трогательное свидетельство тому – посвященное невесте безыскусное стихотворение собственного сочинения, сохранившееся в архиве семьи:

Если друг я Тебе,
Расскажу все вполне
Откровенно.
Лишь в глаза Ты взглянешь,
То сейчас же поймешь
Несомненно,
Что улыбка и взгляд
Беспрестанно твердят
Про то чувство —
А назвать не хочу,
Ведь в конце закричу
Громогласно!
Если будет ответ
На сердечный привет,
Вот прекрасно!
Все святое отдать
И своею назвать,
Дорогою.
Ведь в блаженстве тогда
Будем жить до конца
Со женою.
Вот и песне конец,
Как пойдем под венец
С молодою.

29 февраля 1898 года у супругов родился первенец, сын Николай. Судьба его отразила героическую и драматическую эпоху развития нашей страны.

В своей книге воспоминаний «Звериада» он написал об отце всего несколько скупых строк. В том числе и такие слова: «Отец, вышедший из военной семьи, ненавидел царскую муштру и воспитывал меня в ненависти ко всему военному». К сожалению, это не спасло юношу от судьбы: когда родители разошлись, мать, не считаясь с желанием сына, отдала его «на казенный кошт» – сначала в реальное училище, а в 1914 году – в 1-й московский кадетский корпус. А вот в 1915 году Николай каким-то необъяснимым случаем оказывается в Одессе, где два года проучился в Сергиевском артиллерийском училище.

В 1917 году девятнадцатилетний Николай добровольцем ушел на фронт, где воевал в составе 60-й артиллерийской бригады. А в декабре – ну, понятное дело, волнения на фронте – он демобилизуется. Революцию он принял с восторженным энтузиазмом и романтическими иллюзиями. С сентября 1918 года он – командир части в Красной армии, в мае 1921-го – демобилизован.

Увидев изнутри ужасы братоубийственной войны, Николай обратил глаза к небу – отнюдь не к Богу! – и «заболел» им навсегда. Сначала пошел учиться в Электротехнический институт, а затем на курсы бортмехаников. Служил летчиком на Среднеазиатских авиалиниях. В 1924 году награжден орденом Красного Знамени за боевые действия в Средней Азии. В 1930 году перешел на работу в полярную авиацию. 27 марта 1931 года был арестован и заключен

в Бутырскую тюрьму, приговорен к 5 годам ИТЛ и отправлен в Усть-Ухтинский лагерь, где работал... на рытье траншей. Но в декабре 1931 года – судьба, можно сказать, над ним смиловалась – Николай был освобожден из лагеря. Работал бортмехаником в полярной авиации в Главсевморпути. Был бортмехаником экипажа П.Г. Головина, который 5 мая 1937 года первым в истории освоения Арктики пролетел над Северным полюсом в ходе подготовки к высадке полярной экспедиции Ивана Папанина. В том же году за участие в экспедиции на Северный полюс был награжден орденом Ленина, а в 1938 году ему было присвоено звание почетного полярника. Во время финской войны Николай Кекушев сопровождал суда в Белом море. В годы Великой Отечественной войны он совершил 59 вылетов на невооруженном Ли-2 в осажденный Ленинград, вывозя блокадников на Большую землю, служил в ВВС Северного флота. С 1943 года служил инженером отряда по борьбе с подводными лодками в авиации дальнего действия, с 1944-го – инженером авиагруппы особого назначения, с 1945-го – инженером на заводе в Германии по ремонту и перегонке трофейных самолетов. В 1948 году участвовал во второй экспедиции на Северный полюс.

Но его, как и сотни тысяч героев, не обошла сталинская репрессивная машина: в августе 1948 года Николай Кекушев был арестован и заключен в Лефортовскую тюрьму. Приговорен к десяти годам ИТЛ и отправлен в лагерь в Джезказгане, где работал грузчиком и землекопом, потом на обогатительной фабрике. В 1955 году был освобожден из ссылки и вернулся в Москву. После реабилитации работал в авиации. В 1960 году – сказались годы голода, холода и непосильной работы в ГУЛАГе – обострились приобретенные в лагере болезни и Николай Кекушев вышел на пенсию.

Так что с сыном Николаем все более-менее ясно. А вот с другими детьми – туман... То есть опять вопросы без ответов.

В 1900 году у Кекушевых родилась дочь Татьяна. А через год – Екатерина.

Семья Кекушева

Наверное, семья была вполне благополучной, если ее глава решил, что пора позаботиться о семейном гнезде. И в 1903 году Лев Кекушев с семейством наконец переехал в собственный дом. Не всякий даже вполне состоявшийся архитектор мог позволить себе построить собственный особняк. Кекушев смог. И не где-нибудь, а в самом центре Москвы, на ее «Золотой миле» – Остоженке.

Участок под застройку был невелик, да и не ровный. Но Лев Николаевич сумел «вписать» в небольшое пространство нарядный особняк, напоминающий волшебный замок из детских снов. Может, таким представлял себе маленький Левушка, слушая сказки, дворец Спящей красавицы или Принца, куда Золушка приехала на бал. Еще во время строительства этого замка поглазеть на него съезжалось пол-Москвы.

И вот особняк на Остоженке, № 21, представлявший собой, как бы сейчас сказали, эксклюзивное жилье, – просторный, великолепно меблированный по его собственным чертежам, с участком и службами сразу стал одним из самых заметных и красивых зданий в Москве начала 1900-х годов. Это роскошное семейное гнездо говорило о взлете профессиональной карьеры Кекушева и достигнутом финансовом благополучии.

Особняк этот, как и построенный рядом под номером 19 доходный дом, Лев Николаевич записал на имя супруги: они вошли в историю как «дома Кекушевой».

Это говорит о том, что первые годы семейной жизни Кекушевы были однозначно счастливы. Лев Николаевич был, видимо, любящим семьянином. Сохранились, правда, единичные фотографии, запечатлевшие его с женой и детьми не только на новой собственной даче в Серебряном Бору, но и рядом с его авторскими новостройками – вероятно, архитектор показывал их молодой супруге. Но вот ни дневниковых записей, ни воспоминаний очевидцев, рассказывающих о личной жизни архитектора, нет. Увы! И что характерно: прочитав большое количество записок его современников, статей исследователей его творчества, я не нашла ни одного человека, который назвал бы его другом. Как-то даже странно: весь на виду, десятки самых именитых заказчиков и ни одного друга?!

А вот упоминания о сложном характере Мастера встречаются не раз.

Как бы то ни было, но в этом роскошном особняке, задуманном как родовое гнездо, семья Кекушевых прожила совсем недолго: сказочной идиллии в этом фантастическом замке в самом сердце Москвы, которым восхищались, которому завидовали, не получилось... Лев Николаевич был сложной натурой, погруженной в себя. Анна Ионовна – дамой властной. Характеры искрились от столкновений.

Вот тут самое время поговорить еще об одной загадке, связанной с именем великого архитектора.

В Интернете часто встречается история о том, что старшая дочь Кекушева Мария не выдержала постоянных скандалов и сбежала из дома родителей. И против их воли вышла замуж за представителя известной купеческой фамилии Сергея Топленинова. Их деревянный дом в Мансуровском переулке, № 9 считается прототипом домика Мастера в булгаковском романе.

Вот что пишет Борис Мягков в книге «Булгаков на Патриарших»: «Оказывается, у одного из прототипов Мастера – Сергея Топленинова – была «своя Маргарита» с не менее романтической историей, связанной с «готическим особняком». Звали ее Мария Кекушева, дочь известного архитектора Льва Кекушева, чей двухэтажный дом-особняк до сих пор красуется совсем близко от «дома Мастера» (как и в романе!) – на Остоженке, 21. Вначале их отношения складывались трудно: ее домашние были против этой связи, и прибежищем влюбленных было скромное топлениновское жилье. Мария убежала из своего благополучного «готического» особняка

в подвал к Сергею. Прошло несколько лет, ситуация изменилась, они поженились, и Сергей Топленинов перебрался к своей возлюбленной в особняк, где жил до самой смерти...»

Внимание, вопрос: откуда взялась дочь Мария, если у Льва Николаевича было всего две дочери – Татьяна и Екатерина, материальные свидетельства существования которых имеются? Возможно, Мария Кекушева была сестрой архитектора? Ведь его дочери от Анны Ионовны были в то время подростками и ни о каких любовных приключениях еще не помышляли.

Словом, еще один вопрос без ответа. Да и не мог Топленинов жить в особняке на Остоженке, № 21 «до самой смерти», потому как вскоре этот сказочный замок семье архитектора уже не принадлежал...

Известно точно, что период семейного и финансового благополучия у Льва Кекушева продлился недолго. В 1906 году он оставляет семью и переезжает на съемную квартиру. Затем следует развод. Почему? Встречаются туманные предположения, что он «подружился с зеленым змием», как и такие, что виной всему – увлечение жены другим мужчиной, которое он простить не смог...

Два особняка после развода остались в собственности Анны Ионовны. Но вот бизнес-леди из нее не вышло: через несколько лет «замок» на Остоженке был ею продан. Вскоре за ним последовал и доходный дом № 19.

Аркадий Федорович Крашенинников – заслуженный историк архитектуры, много лет проработавший в Музее архитектуры имени Щусева, рассказывал, что, лишившись домов, мадам Кекушева писала в разные инстанции письма с просьбой о финансовой помощи. На ее слезные мольбы откликались не очень, так что сына – невзирая на его ненависть «к муштре» – она отдала на «казенный кошт» в кадетский корпус. А сама даже была вынуждена работать массажисткой (!!) – о как!

Тут встает еще один резонный вопрос: «Где деньги, Зин?» Сказочный особняк, на который засматривалась вся Москва, и большой доходный дом рядом должны были стоить немалых денег. Почему же семья востребованного архитектора оказалась без средств к существованию?

Нет ответа...

Ну а что же сам Лев Николаевич?

Он еще создаст несколько шедевров. Но после 1910 года интерес к так любимому им модерну практически иссякнет, что, вероятно, и вызовет у Мастера творческий кризис. Не исключено, что он усугубился отдельными неудачами...

А после 1912 года судьба Мастера обрела вообще загадочный и, можно сказать, трагический оттенок. Нащокина пишет, что «складывается впечатление, что он перестал принимать какие-либо заказы, лишь время от времени, помещая в журналах фотографии своих старых работ. Его последние, известные нам проекты датированы 1912 годом. Если бы Кекушев тогда умер, невозможно представить, чтобы информация об этом миновала прессу, хотя бы московскую, ведь речь шла о судьбе не рядового мастера, а одного из самых блестящих архитекторов Москвы начала XX века».

Она считает, что, скорее всего, Льва Кекушева настигла психическая болезнь.

Аркадий Федорович Крашенинников разыскал упоминание о Кекушеве в справочнике «Вся Москва» за 1912 год, что свидетельствует о том, что тогда архитектор был жив и даже менял места жительства. А вот в справочниках более поздних его фамилия не встречается.

А.Ф. Крашенинников: «Его дочь Екатерина жила в Скатертном переулке, д. 10, кв. 7 и многие годы работала в Институте архитектуры. Но до самой ее смерти никто не знал, что она – дочь того самого, великого и загадочного Льва Николаевича Кекушева».

В автобиографии, написанной в 1935 году, Екатерина указала, что ее отец, архитектор, построивший около шестидесяти зданий, был помещен в психиатрическую клинику, где умер в 1917-м в возрасте пятидесяти пяти лет.

А вот в уже упомянутой «Звериаде» Николай Кекушев вскользь говорит, что в момент зачисления в кадетский корпус – а это произошло в 1914 году – «его (отца. – *Авт.*) уже не было в живых».

Вот и поди разберись!

М.В. Нащокина: «Смерть выдающегося архитектора остается тайной – неизвестны ни год смерти, ни место погребения».

По имеющимся сведениям, Лев Николаевич умер от психического заболевания в полной нищете. В той самой Преображенской больнице¹, которую сам же и построил.

Почему в нищете и забвении?

¹ См. об этом с. 135.

Доходный дом в Варсонофьевском переулке, № 6 (1890–1893)

А.Ф. Крашенинников, исходя из оценочной стоимости построенных Кекушевым зданий, пришел к выводу, что тот заработал никак не меньше миллиона. Куда делись его деньги? Прокутить, проиграть бы он их не смог: газеты тут же разнесли бы эту весть и нам бы ее сохранили.

Так что опять вопросы без ответов.

Лев Николаевич Кекушев как был, так и остался одной из самых выдающихся – и, несомненно, самой загадочной – фигур русского модерна.

Он построил в Москве несколько десятков прекрасных зданий. Расскажем о некоторых.

Этот пятиэтажный дом принято считать первой по времени московской постройкой в стиле модерн и полностью самостоятельной работой Кекушева.

Свое название Варсонофьевский переулок получил от расположенного в нем монастыря, основанного матерью митрополита Филиппа Колычева Варсонофией – в миру Варварой. Рядом с монастырем было кладбище для неизвестных путников, бездомных, убогих и погибших насильственной смертью. Быть погребенным здесь считалось большим позором, поэтому в Смутное время Лжедмитрий I приказал захоронить здесь тела Бориса Годунова и его семьи. Впоследствии они были перезахоронены в Троице-Сергиевой лавре.

В 1764 году Варсонофьевский монастырь был упразднен, монастырский Вознесенский собор стал обычной приходской церковью Вознесения. В конце XIX века переулок был застроен доходными домами, многие из которых сохранились до нашего времени. А в 1931 году церковь Вознесения была снесена.

Участок земли, на котором впоследствии был построен дом № 6, был частью большого владения, которое принадлежало сперва купцам Плетневым, потом почетным гражданам столицы Губкиным, у которых его перекупил князь Валериан Оболенский-Нелединский-Мелецкий. Часть источников упорно считают, что это был князь Гагарин, даже объект называют «Доходный дом Гагарина».

Я люблю историческую точность, но здесь, право, главное, что построен дом был Львом Кекушевым, и мы до сих пор можем любоваться приемами, ставшими его отличительными знаками, которые впоследствии автор довел до совершенства.

Кстати, именно в этот респектабельный переулок И. Ильф и Е. Петров поселили Эллочку-людоедку, героиню «Двенадцати стульев»: «Два стула увезла на извозчике, как сказал другой юный следопыт, «шикарная чмара». Мальчишка, как видно, большими способностями не отличался. Переулок, в который привезли стулья, – Варсонофьевский, – он знал, помнил даже, что номер квартиры семнадцатый, но номер дома никак не мог вспомнить».

Одним из первых известных жильцов этого дома стал композитор Александр Скрябин, поселившийся здесь в 1898 году, через год после того, как написал знаменитую Вторую сонату и Концерт для фортепьяно с оркестром.

Александр Николаевич Скрябин (1871–1915) – выдающийся русский композитор и пианист. Его поиск новых выразительных музыкальных средств вылился в новаторство – гармоническое слияние звука, цвета и света и создание цветомузыки. Я – да не обрушится на мою голову возмущение музыковедов! – назвала бы его творчество модерном в музыке.

Биографию Александра Николаевича – музыканта с мировым именем – подробно пересказывать не буду, остановлюсь лишь на нескольких моментах его личной жизни. Музыкой он «заболел» с детства и в пять лет уже прекрасно играл на рояле, сочинял свои произведения. Но отец посчитал, что более уместным для сына будет продолжение семейной карьеры военного. Скрябину пришлось окончить 2-й московский кадетский корпус, но затем он показал

твердый характер и полностью посвятил себя музыке. Его судьба, кстати, яркий пример того, что в выборе профессии (при наличии таланта, естественно) надо слушать себя.

Александр Николаевич Скрябин

По окончании Московской консерватории Скрябин вначале был концертирующим пианистом, но в 1894 году «переиграл» правую руку и в течение некоторого времени не мог выступать. Благодаря этому неприятному и болезненному событию в его жизни мир обязан появлению Скрябина-композитора.

В этот дом Скрябин въехал с молодой женой, пианисткой Верой Ивановной Исакович, также выпускницей Московской консерватории. У них родились четверо детей (первая дочь Римма умерла в семь лет). Дочь Елена впоследствии станет супругой выдающегося советского пианиста В.В. Софроницкого. Позже появятся на свет дочь Мария и сын Лев.

Семь лет продлится этот брак, в котором, по свидетельству современников, композитор не был счастлив, и закончится в 1902 году, когда Александр Николаевич познакомился с Татьяной Федоровной Шлецер, племянницей профессора Московской консерватории. Это была настоящая любовь, та, что на всю жизнь. От этого брака родятся трое детей: Ариадна, Юлиан и Мария. Кстати, Ариадна впоследствии выйдет замуж за поэта Давида Кнута, при-

мет иудаизм, а во время оккупации Франции нацистами станет героиней Сопротивления, чью жизнь и смерть от немецкой пули французы помнят по сей день.

Несмотря даже на появление в новой семье детей, официальная супруга так и не даст Скрябину развода, и ему придется жить с любимой женщиной в гражданском браке, на что современное общество смотрело весьма неодобрительно.

В 1902 году Скрябин съедет из дома в Варсонофьевском, много будет выступать за границей как пианист и дирижер. Последние его годы пройдут в доме по адресу Большой Николопесковский переулок, № 11, где он жил со своей гражданской семьей. Там его и постигнет скорая и нелепая смерть: он выдавил фурункул в носогубном треугольнике, в результате чего возник сепсис, от которого великий композитор и скончался. Похоронен он на Новодевичьем кладбище. А в доме в Большом Николопесковском с 1922 года по сей день действует Государственный мемориальный музей А.Н. Скрябина.

В начале 1900-х годов в доме, построенном Кекушевым, поселился **Иван Владиславович Жолтовский** (1867–1959).

Родился будущий известный российский и советский зодчий, академик архитектуры, заслуженный деятель науки и искусства РСФСР и БССР, лауреат Сталинской премии, кавалер орденов Ленина и Трудового Красного Знамени 16 (28) ноября 1867 года в Пинске (ныне Брестская область, Белоруссия) в католической семье.

Еще во время учебы в Высшем художественном училище при Императорской академии художеств в Санкт-Петербурге он работал помощником у разных питерских архитекторов, а по окончании училища переехал в Москву.

Иван Владиславович Жолтовский

Вначале он собирался уехать на работу в Иркутск, но получил приглашение преподавать в Строгановском училище и остался в Москве. Именно в этом кекушевском доме с эркерами родился его проект гостиницы «Метрополь», который он представил на конкурс. Но в кон-

курсе победил проект Кекушева и Шевякова, а вот строить гостиницу стали по проекту Валькота – такой вот странный узел, в который судьба связала жизни нескольких архитекторов.

Жолтовский построил в Москве несколько замечательных зданий, среди них: Дом скакового общества на Скаковой аллее, № 7, особняк Г.А. Тарасова на Спиридоновке, знаменитый дом-дворец на Моховой и др. До революции его заслуги в области архитектуры были бесспорными, новой властью он тоже был обласкан.

Иван Владиславович прожил долгую жизнь. Умер 16 июля 1959 года в возрасте 91 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

В советские годы шикарные квартиры этого дома разделили на коммуналки, часть лепнины и изразцов отбили, где-то двери заложили, где-то пробили новые и в комнаты поселили трудящихся. Хотя, как ходят упорные слухи, трудящимися их можно было назвать с большой натяжкой: часть жильцов были штатными сотрудниками находящегося неподалеку зловещего Большого дома на Лубянке либо его тайными осведомителями.

В 2000-х годах 110 жильцов (с большими проблемами для последних) расселили, и дом полностью перестроили, разместив в нем 27 элитных квартир. От памятника архитектуры лишь частично сохранились фасады, а кекушевские интерьеры были безвозвратно утрачены. Правда, на цены на эту недвижимость это никак не повлияло: в 2003 году пятикомнатная квартира площадью 217 квадратных метров стоила 401 450 долларов, а сейчас одна из квартир в этом доме выставлена на продажу за 3 миллиона долларов... О как!

Постройки Льва Кекушева в Москве

Лев Кекушев проектировал и строил не только роскошные особняки, доходные дома для состоятельных жильцов, но и объекты различного назначения. И все они были оригинальными, так сказать, штучными изделиями.

Богадельня имени Геера на Верхней Красносельской улице, № 15 (1894–1899)

Иосиф Николаевич Геер, швейцарец по происхождению, принял российское гражданство, в 1835 году вступил в Московскую 1-ю купеческую гильдию и женился на русской. Так что он сам, да и все вокруг, несмотря на иностранную фамилию, считали его русским. Дела у него шли отлично, но срок земной жизни истек в 1894 году. И безутешная вдова Наталья Петровна обратилась к городскому голове К.В. Рукавишникову с предложением: она передает в собственность города большой участок земли возле Ново-Алексеевского монастыря стоимостью 250 тысяч рублей при условии, что на ней будет построена богадельня. Решение на присвоение имени новому заведению принималось на самом верху, и в апреле 1895 года последовало высочайшее соизволение на присвоение убежищу, учреждаемому городской управой «на жертвуемой г-жою Геер в собственность г. Москве земле, наименования по имени мужа жертвовательницы Иосифа Николаевича Геера».

1 января 1899 года богадельня с домовою церковью в честь святого покровителя мужа праведного Иосифа Обручника – как пишут в справочниках, «небольшое по размерам, но монументальное по формам двухэтажное здание в неовизантийских формах», – построенная Кекушевым при участии архитектора И.А. Иванова-Шица, была открыта. Она предназначалась для престарелых жителей Москвы обоего пола числом до 100 человек. Принимали в нее по распоряжению городской управы. В богадельне были хорошие условия для проживания, лазарет, в котором постоянно дежурил фельдшер.

Наталья Петровна не только подарила участок, но и на свои средства приобрела всю церковную утварь, купила иконы с дорогими окладами, необходимую церковную мебель, все облачение для священнослужителей и заказала иконостас.

Богательня имени Геера на Верхней Красносельской улице, № 15 (1894–1899)

«Не забудем, что при богательне имелся хороший парк, где призреваемые проводили немало времени.

Открытие богательни состоялось в январе 1899 года в присутствии многочисленных почетных гостей и высокого духовенства. Здание же отнюдь не выглядело приютом, а размахом и великолепием походило на великокняжеский дворец. В Москве много говорили и писали о новом богоугодном заведении, ставили его в пример...» (историк-архивист Юлиан Толстов).

Кстати, тремя годами ранее Наталья Петровна построила неподалеку отсюда, на своей же земле городское убежище для сирот.

Чем был знаменит при жизни Иосиф Николаевич Геер, история умалчивает. Но супруга увековечила его имя в веках.

Вывод: добрые дела сохраняют ваше имя для потомков!

С 1968 года до начала 1990-х в историческом здании бывшей богательни имени И.Н. Геера располагался Разноэкспорт системы Минвнешторга. Что сейчас в этом «охраняемом объекте культурного наследия регионального значения», не знаю.

Дом наследниц Хлудовых в Театральном проезде, № 3 (1894–1896)

Это роскошное здание Кекушева с трехгранным эркером на углу Театрального проезда и улицы Рождественка вошло в историю под названием «Доходный дом наследниц Хлудовых».

Вероятно, дом нравился не только заказчицам и москвичам, но и самому Мастеру, потому что он квартировал в нем несколько лет. Это здание в самом центре Первопрестольной

облюбовали весьма именитые жильцы. Известная актриса Мария Андреева² выбрала его еще и потому, что до МХТ, в котором она служила, было рукой подать.

На нижнем этаже были расположены магазины и конторы.

«До революции в доме кроме квартир помещалось правление Русского технического общества и его Музей содействия труду. Содействовал он не только труду, в нем в дни революции 1905 года проходили заседания Московского Совета и его исполкома, начавшего кровавое восстание, подавленное огнем пушек. В марте 1906 года здесь было назначено собрание актива большевиков. На него должен был прийти находившийся в городе нелегально Владимир Ульянов-Ленин. Но раньше его наведалься в музей околоточный надзиратель. На подходе к дому вождя предупредили о грозящей опасности, и он, не искушая судьбу, срочно уехал в Питер, вернувшись в Москву в марте 1918 года в должности председателя Совнаркома, то есть правительства» (*Колодный Л.* Москва в улицах и лицах).

Дом наследниц Хлудовых в Театральном проезде, № 3 (1894–1896)

В 1934 году здание было капитально перестроено по проекту С.Е. Чернышева. А перестройка всегда означает, что от первоначального вида мало что остается. Кроме того – вот уж повезло, так повезло! – была еще одна перестройка по проекту М.М. Посохина в 2001 году. Так что нам остается ностальгический вздох, глядя на старые фотографии и сравнивая их с тем, что стало с домом сегодня.

Но сейчас самое время рассказать о Хлудовых, которым это здание принадлежало.

Хлудовы – один из богатейших купеческих кланов Москвы.

Об этой семье можно написать увесистую книгу, где, как в авантюрном романе, переплелись бы судьбы десятков людей: с их странными смертями, безбашенным лихачеством, безусловным практическим умом и удачливостью в делах, скопидомством и неслыханной щедростью, европейской образованностью и мужицкими замашками...

² Та самая, что сыграла роковую роль в жизни Саввы Морозова.

Хлудовы были родом с Рязанщины и объявились в Первопрестольной после войны с Наполеоном. Иван Иванович Хлудов поначалу ютился с семьей в хижине на берегу Яузы. Район назывался Швивая Горка. Он был ткачом и великим тружеником. Начинал с изготовления и продажи кушаков. Вскоре нанял нескольких работников и обзавелся собственным делом. В 1834 году у него уже было две лавки, а в следующем – новый собственный дом, затем он «приписался» в 1-ю купеческую гильдию. Сыновьям Савелию, Алексею, Назару, Герасиму и Давыду отец оставил собственное дело и около 200 тысяч рублей капитала. Наследники оказались, как говорится, рукастые да головастые, не посрамили отца: в 1842 году учредили торговый дом полного товарищества под фирмой «А., Н., Г. и Д. Ивана Хлудова сыновья». Они построили в Егорьевске ткацкую фабрику, оснастили ее машинами из Англии, занимались торговлей хлопком и создали «Паевое товарищество Егорьевской мануфактуры».

Разные слухи ходили по Москве об этих «миллионщиках».

«О семье Хлудовых расскажу по возможности все, что мне пришлось слышать от их родственников и от лиц, близко знавших их.

Хлудовы в Москве пользовались популярностью, но нельзя сказать, чтобы солидное, почтенное купечество относилось к ним хорошо из-за их поведения и образа жизни. Слухи о безумных кутежах и других противоморальных поступках разносились по Москве и на стариков купцов наводили ужас. Мне известно, как один из почтенных старых купцов говорил своей вдовой невестке: «У тебя много дочерей, смотри, если будет сватать какой-нибудь Хлудов, упаси Бог выдать за него дочь замуж, горя не оберешься!» (*Варенцов НА. Слышанное. Виденное. Передуманное. Пережитое*).

О, и почитайте у Владимира Гиляровского в книге «Москва и москвичи» рассказ о Михаиле Хлудове – кутиле, удалом храбреце, который и на войне побывал, и эпатировал обывателей прогулками по городу с ручной тигрицей Сонькой, которую к тому же частенько укладывал в супружескую постель между собой и женой! Тот еще образ!

Но все ли в этом «правда, правда, и ничего кроме правды»? Ведь любое высказывание современников, любое воспоминание субъективно.

Вот Михаил Вострышев в книге «Московские обыватели» пишет о них иначе: «Фамилия текстильных фабрикантов Хлудовых гремела по Москве во второй половине XIX века. Конечно, в этом большую роль играло их многомиллионное состояние – одно из самых значительных в Первопрестольной. Но слава знаменитой купеческой династии создавалась не только деньгами...»

Но людская молва завистлива. Люди больше обращали внимание не на достоинства, а на пороки богатых негоциантов. «Хлудовы были известны в Москве, – вспоминает М.К. Морозова, – как очень одаренные, умные, но экстравагантные люди. Их можно было всегда опасаться, как людей, которые не владели своими страстями».

Действительно, Хлудовы были одними из самых щедрых благотворителей и подарили Москве (а сколько адресов их дарений было в Егорьевске и других городах!):

богадельню имени Герасима Ивановича Хлудова;

палаты для неизлечимо больных женщин;

бесплатные квартиры имени П.Д. Хлудовой;

бесплатные квартиры имени Г.И. Хлудова;

бесплатные квартиры имени Конст. и Ел. Прохоровых (в девичестве Хлудовой);

ремесленную школу;

детскую больницу имени М.А. Хлудова, которая являлась университетской клиникой по детским болезням.

На деньги Г.И. Хлудова были благоустроены Крутицкие казармы.

В связи с этим нас интересует один из самых щедрых дарителей из Хлудовых – Герасим Иванович.

Герасим Иванович Хлудов (1822–1885)

В статье Д.И. Покровского «Очерки Москвы» в «Историческом вестнике» за 1893 год есть такое упоминание о Герасиме Хлудове:

«Дом свой Герасим Иванович вел на самую утонченную ногу, да и сам смахивал на англичанина. У него не раз пировали министры финансов и иные тузы финансовой администрации. Сад при его доме, сползавший к самой Яузе, был отделан на образцовый английский манер и заключал в себе не только оранжереи, но и птичий двор, и даже зверинец. Прожил Герасим Иванович более полжизни в этом доме безмятежно и благополучно, приумножая богатство, возвышая свою коммерческую репутацию, и сюда же был привезен бездыханным, от подъезда купеческого клуба, куда шел прямо из страхового общества, с миллионами только что полученной за сгоревшую Яузовскую фабрику премии.

Подобно своему брату Алексею Ивановичу, Герасим Иванович был коллекционером. Он собирал картины, и преимущественно русской школы. Его галерея начала составляться с начала 50-х годов. Он положил ей основание, купив у юноши Перова, только что выступившего со своим могучим талантом, его «Приезд станового на следствие» – в 1851 году и «Первый чин дьячковского сына» – в 1858 году. В течение 60-х годов к ним присоединилось несколько других хороших картин: «Разборчивая невеста» Федотова, «Вирсавия» Брюллова (эскиз), «Вдовушка» Капкова, пейзажи Айвазовского и Боголюбова, «Таверна» и «Рыночек» Риццони. Коллекция эта более не существует: после смерти Г.И. Хлудова она была разделена между его наследниками».

Человеком Герасим Иванович был азартным. Так и хочется добавить – завистливым, но в коммерции это не порок, а мощный стимул прогресса. Имея миллионные обороты с фабрик и торговых предприятий, Хлудову не давал покоя успех актера Силы Сандунова, в бани которого народ валом валил. И Герасим Иванович решает построить бани, которые затмили бы славу Сандуновских. Он приобретает у грузинских царевичей Ираклия и Окропира Георгиевичей большой земельный участок от Неглинного проезда до Рождественской улицы, причем вместе с баснословно дорогой недвижимостью (особняком и домовою церковью Рождества Богородицы).

И архитектор С.С. Эйбушитц при участии Кекушева построил роскошные бани в Китайском проезде, которые стали называть Китайскими, а народ говорил попросту: Хлудовские. По уровню технического оснащения и небывалой роскоши убранства новые бани превзошли все ожидания!

Китайские бани Хлудовых

В 1881 году, еще при жизни Герасима Ивановича Хлудова, был построен первый корпус комплекса для рядовых москвичей, цена входного билета для которых была пять копеек. Позже были построены помещения с русскими, финскими, турецкими залами, отделанные ценными породами дерева и сусальным золотом. В них цена за вход была от полтинника до трех рублей за трехкомнатные апартаменты. Немало московской знати побывало в них, не исключая великих князей, графов, генерал-губернатора, вельмож, приближенных к государю, иностранных дипломатов и просто очень богатых людей и людей известных, как Лев Толстой, Антон Чехов и др.

По сути, Хлудовские бани были первым в стране многофункциональным комплексом, где можно было не только отлично помыться, но и отдохнуть, заказать выпивку и закуску, пообедать, посетить врача, массажиста или костоправа. Именно здесь появилась первая в России механическая прачечная: пока пациент мылся, его одежду стирали, сушили и гладили. А еще там был роскошный банкетный зал, в котором 28 апреля 1893 года семья Хлудовых с многочисленными гостями отмечали окончание строительства собственного особняка по проекту того же Семена Эйбушитца в содружестве со Львом Кекушевым, что рядом, на углу Неглинной.

Китайские бани приносили владельцам отличный доход.

После кончины Герасима Ивановича его наследницы, четыре дочери (единственный сын Павел умер еще при жизни отца), которые удачно вышли замуж за представителей богатых купеческих фамилий – Прасковья Прохорова, Клавдия Вострякова, Александра Найденова и Любовь Лукутина, – дружно и умело продолжали дело отца. В частности, к баням были пристроены первые в Москве крытые плавательные бассейны.

Дочери выполнили завещание отца в части благотворительности и сами щедро дарили городу бесплатные квартиры, богадельни, медицинские и учебные заведения.

После 1917 года Хлудовы успели эмигрировать во Францию. Но до сих пор ходит в народе то ли правда, то ли легенда о закопанных где-то хлудовских сокровищах.

В советское время Китайские бани стали называться Центральными и работали они вплоть до начала 1990-х годов. В 1924–1925 годах здесь же открылся Московский коммунальный музей – предшественник современного Музея истории Москвы. После закрытия бань в них разместились рестораны.

Особняк Коробковой на Пятницкой улице, № 33 (1894–1899)

Свое название эта улица в Замоскворечье получила от церкви Параскевы Пятницы – святой, почитаемой на Руси. По генплану 1935 года церковь снесли. На ее месте с 1943 года находится вестибюль станции метро «Новокузнецкая». В XIX веке Пятницкая была престижной купеческой улицей с богатыми особняками.

Особняк Коробковой на Пятницкой улице, № 33 (1894–1899)

Один из таких, что и сегодня сразу цепляет взгляд, – голубой особняк под номером 33. У него интересная судьба. В 1866 году его построили для купца Трифона Коробкова. А в 1894 году по заказу его супруги Ольги Коробковой дом перестроил архитектор Лев Кекушев.

Сразу виден узнаваемый прием архитектора – асимметрия: с одной стороны особняка оригинальная башенка, «чем-то напоминающая купеческий сундук с крышкой – чешуйчатым куполом с эффектным скульптурным декором и ажурной ковanej решеткой на гребне», а с другой – угловой башенки нет. На наш, дилетантский, взгляд, может, это и говорит о какой-то незаконченности, но, господа, – это модерн и это Кекушев, который смело ломает симметрию и обожает разновеликие окна.

«Немаловажно, что все эти работы были сразу высоко оценены, современники увидели в них черты нового и особую индивидуальную манеру автора. Публикуя фотографии особняка Т.И. Коробкова на Пятницкой улице, журнал «Строитель» утверждал: «Эта работа может считаться одною из лучших среди множества исполненных им [Кекушевым] в Москве построек» (*Нащокина М. Жизнь и судьба архитектора Льва Кекушева*).

На фронтоне эркера симпатичные кариатиды, символическое назначение которых «поддерживать» коммерческие дела и «равновесие» в доме. Намекает на профессию хозяина расположенный выше жезл Меркурия, которого, как известно, римляне записали в покровителя торговли. Правда, жезл отличается от общепринятого изображения тем, что является факелом. Скорее всего, намек на просвещенного торговца.

Действительно, Трифон Иванович, кроме того, что был крупным предпринимателем, представителем московских финансово-биржевых кругов и владел собственным бумажным производством, был известным собирателем искусства и меценатом. Его красавица жена **Ольга Петровна Коробкова** – к ней и перешел особняк на Пятницкой после смерти мужа – была радушной и хлебосольной хозяйкой. В этом доме бывали художники, поэты, музыканты и писатели, многим из них хозяин оказывал ощутимую материальную поддержку. Сюда писатель Владимир Гиляровский привел студента Московского училища живописи, ваяния и зодчества Александра Герасимова. И Трифон Иванович разглядел в молодом человеке талант и всячески его опекал. Художник часто бывал в этом доме и летом не раз гостил в загородном имении Коробковых, где написал симпатичные работы «Усадьба Коробково» и «Тропинка в лесу».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.